

Вylетев в полдень, в три часа дня Суо Цзысе приземлился в городе X, откуда ещё час тряся на перекладных до уезда X.

Суо Цзысе рассудил, что ехать дальше прямо сейчас бессмысленно: добираться до места ещё часа два, да и крыши над головой там не сыщешь. Решив не рисковать, он устроился в местной гостинице, а затем, прихватив съёмочное оборудование, отправился на поиски кулинарных шедевров.

В обычной жизни он был неисправимым домоседом. Если бы не смазливое лицо, собиравшее толпы фанатов, изящные кисти рук, притягивавшие эстетов, и поистине бездонный желудок, согревавший души любителей сытно поесть, его стримы давно бы заглохли.

В этот раз трансляция началась на два часа раньше обычного. Впрочем, Суо Цзысе сразу же поспешил успокоить заглянувших на огонёк зрителей, упрямо ударив себя кулаком в грудь:

— Сегодня закончу пораньше? И не надейтесь! Буду жевать как минимум до девяти вечера. Доверьтесь моему желудку, уж он-то вас точно не подведёт.

Несмотря на то что прошлая трансляция едва не стоила ему жизни, накликав грабителей, бросать любимое дело или халтурить перед преданной аудиторией он не собирался.

Теперь, обретя силу, Суо Цзысе не боялся угроз. Посмеет кто сунуться — получит сдачи. В конце концов, если он не способен дать отпор заурядному дикому пробуждённому, позарившемуся на его дар, то о какой войне с инопланетными захватчиками вообще может идти речь?

С бандитами разговор короткий: пока они не хватаются за стволы, он вполне может помериться с ними силами. Ну а если в ход пойдёт огнестрел... Что ж, тогда он просто отсидится в ближайшем отделении полиции. Стидного в этом ничего нет.

Нынешний марафон затянулся с четырёх дня до десяти вечера. За это время Суо Цзысе успел обойти полтора десятка заведений, бережно отобранных по самым восторженным отзывам местных жителей.

Если блюдо приходилось по вкусу, он без лишних разговоров заказывал ещё несколько порций и уплетал их за обе щёки. Если же еда оказывалась дрянью, он ограничивался парой ложек, весело ворчал на камеру вместе со зрителями и отправлялся дальше.

Благодаря способности к Слиянию, его челюсти работали без остановки часами напролёт, но на подтянутом животе это никак не отражалось — ни намёка на тяжесть или вздутие.

Перед тем как отключить камеру, парень тепло попрощался с подписчиками и предупредил, что завтрашний эфир может немного задержаться.

Аудитория, раздобревшая от лишних трёх часов трансляции, милостиво пообещала закрыть глаза на его возможное опоздание.

Наутро, хорошенько выспавшись и набравшись сил, Суо Цзысе бодро двинулся в путь.

Он поймал такси у крыльца гостиницы. Автомобиль быстро миновал городскую черту. Пейзаж за окном стремительно пустел, редкие придорожные домики вскоре совсем исчезли, и за последние полчаса пути им не встретилось ни единого живого поселения.

Наконец машина затормозила у неприметного съезда, заросшего бурьяном. Дальше проехать было невозможно, так что Суо Цзысе расплатился, вылез из салона и пошёл пешком.

Узкая, едва приметная грунтовая тропа, петлявшая среди холмов, по слухам, связывала цивилизацию с двумя затерянными в лесной глуши деревнями.

Чем дальше он углублялся в горы, тем круче становился подъём. Вскоре тропа превратилась в сплошную кручу, карабкаться по которой приходилось уже на четвереньках. Если бы под ногами изредка не попадались высеченные в скале ступени и натянутые верёвочные лестницы, Суо Цзысе всерьёз засомневался бы, что впереди его ждёт хоть какое-то жильё.

«И как они здесь живут? — недоумевал парень. — Почему дорогу до сих пор не привели в порядок?»

«Большая часть этого пути пролегает по отвесным скалам, прокладывать там нормальную трассу слишком тяжело и дорого, — отозвался в его сознании тихий голос Сесе. — В прошлом году правительство полностью расселило обе деревни. Сейчас там доживают свой век лишь несколько стариков, наотрез отказавшихся бросать родные гнёзда».

«Да, кстати. Как доберёшься до первого селения, найди кого-нибудь из местных и купи петуха».

Спустя час изнурительного подъёма, взмокший, перепачканный грязью и облепленный сухими листьями Суо Цзысе наконец выбрался к первой деревне.

Перед ним предстали покосившиеся глинобитные мазанки с низкими крышами — их замшелые стрехи едва ли достигали двух метров в высоту. Потрескавшиеся, осыпающиеся стены дышали глубокой, дряхлой старостью.

Большинство дверей висели на ржавых замках. Кое-где створки были приоткрыты, обнажая непроглядный мрак заброшенных комнат. Опрокинутая, сгнившая мебель и общая разруха наводили тоску — место казалось зловещим и вымершим.

Один из крайних домов наполовину рухнул, и сквозь провалившуюся крышу буйно пробивался сорняк.

Суо Цзысе невольно нахмурился. Разве Сесе не говорил о стариках? Вокруг не ощущалось ни малейшего признака человеческой жизни.

Сам он, будучи законченным затворником, никогда не тяготился одиночеством, но здесь, посреди безмолвных руин, вдруг остро осознал: человек — существо социальное, и мёртвая тишина пустых жилищ давит на психику похлеще любого шума.

«Не отвлекайся. Иди за петухом».

«Ладно-ладно».

Выйдя на заросший пятачок посреди деревни, Суо Цзысе сложил ладони рупором и крикнул в пустоту:

— Эй! Есть тут кто-нибудь? Мне бы петуха купить!

— Люди! Продайте петуха, очень надо!

Эхо разнесло его голос по ущелью, но ответом ему стал лишь шорох ветра в сухой траве.

«Пусто... Неужели ни души?»

«Странно, я в своё время прибыл примерно в эти же часы, — озадаченно пробормотал Сесе. — Старики точно должны быть на месте. Один из них держит целое подворье птицы».

«Может, ушли куда-то по делам? — подумал Суо Цзысе. — Слушай, а ты не помнишь, где именно он их держит?»

«Сверни на левую тропинку и иди до самого тупика».

Сделав крюк по полузаброшенным дворам, Суо Цзысе наконец наткнулся на дряхлого хозяина и сторговал у него знатного, крупного петуха.

Птица влетела в копеечку — старик заломил целых двести юаней. Торговаться и взвешивать не стал, просто лениво махнул рукой: «Выбирай любого». Пришлось брать самого упитанного.

При этом дед с важным видом долго распинался о том, что растил птицу по «передовым научным технологиям», кормил исключительно горной саранчой да отборной кукурузой, так что продукт это экологически чистый и невероятно полезный.

Слушать лекцию о здоровом питании и прогрессивном фермерстве от жителя глухой таёжной деревни было забавно до крайности.

Впрочем, петух и впрямь оказался на редкость боевым — он яростно брыкался, хлопал крыльями и изо всех сил пытался вырваться из цепких пальцев нового хозяина.

За околицей крутой подъём наконец сменился относительно ровным плато. Пропетляв по едва заметной, заросшей травой стёжке, Суо Цзысе пересёк шаткий подвесной мост, перекинутый над зияющей пропастью между двумя утёсами. Ещё минут пятнадцать ходьбы по тенистому склону — и впереди показались очертания второй деревни.

Это поселение выглядело куда просторнее прежнего, хотя забралось ещё глубже в горы. Судя по безмолвию и отсутствию дыма над трубами, отсюда люди тоже давно переселились поближе к благам цивилизации.

Миновав пустые улочки, парень выбрался к самой окраине, где у подножия массивной каменной гряды сиротливо ютилось то самое здание школы, о котором упоминал Сесе.

Школой это заведение можно было назвать с большой натяжкой — всего две невзрачные мазанки, выходившие фасадом прямо на отвесный обрыв.

От порога до подножия исполинского утёса тянулся просторный, относительно ровный пустырь длиной около двухсот метров.

Суо Цзысе внимательно осмотрелся по сторонам в поисках заветной демонической лозы, но попадавшиеся на глаза вьюны и дикий виноград казались самыми обыкновенными сорняками.

«Голову выше подними. Смотри на утёс».

«Ты ведь не заставишь меня карабкаться туда?» — мысленно ужаснулся Суо Цзысе, невольно затаив дыхание.

Стена вздымалась вверх на добрых три сотни метров — абсолютно гладкий, вертикальный гранитный срез. Здесь даже матёрый альпинист со всем снаряжением трижды подумал бы, прежде чем лезть на рожон.

Конечно, с его даром Идеального разреза прорубить себе ступени в скале не составило бы труда, но сама мысль о подъёме на такую верхотуру заставляла колени подгибаться от страха.

«При чём тут подъём? Присмотрись внимательнее, неужели ничего не замечаешь?»

Парень прищурился, вглядываясь в серую каменную толщу, и на высоте около двадцати метров наконец разглядел сочное изумрудное пятно.

Плотный ковёр из широких раскидистых листьев глухо закрывал кусок скалы, надёжно маскируя то, что росло под ним. Неудивительно, что он не сразу обратил на него внимание.

В его представлении демоническая лоза должна была походить на голые плети зловещего плюща, а здесь в глаза бросалась лишь пышная, безмятежная зелень.

Но стоило приглядеться, как проступили странности.

Во-первых, этот зелёный пятачок был единственным живым островком на всём безжизненном утёсе — ни единого высохшего колоска или кустика рядом. Во-вторых, несмотря на яростные

порывы горного ветра, колыхавшего верхушки деревьев вниз, широкие сочные листья застыли каменным монолитом, словно вырезанные из нефрита.

«Бросай петуха на землю. Пусть подаст голос».

Суо Цзысе, у которого от вечной возни с пернатым грузом уже затекла рука, с облегчением швырнул добычу на траву.

Птица, едва почуяв свободу, оглушительно закудахтала и попыталась дать стрекача, но туго перевязанные соломой крылья и лапы не позволили ей сдвинуться с места. Всё, что оставалось пленнику — беспомощно кувыркаться в пыли и жалобно голосить.

Для верности Суо Цзысе затянул на одной из лап тонкий капроновый шнур, лишая петуха даже призрачного шанса на побег.

Едва раздался первый хриплый петуший крик, как дремавшая на скале демоническая лоза ожила. В её стеблях вяло пульсировало блёклое свечение, по характеристикам один в один схожее с аурой пробуждённых.

Становилось ясно: когда это существо маскируется, обнаружить его практически невозможно. Даже он, с его обострённой чувствительностью к чужеродной силе благодаря способности к Слиянию, едва не упустил затаившегося хищника.

Зелёные плети судорожно вздрогнули. Широкие листья один за другим скользнули вниз, плотно прижались к главному стеблю и свернулись в тугие трубочки. Они легли чешуёй, скрывая лозу под многослойным панцирем, отчего та стала напоминать покрытый странным волнообразным узором канат.

Завершив превращение, одна из плетей со свистом ринулась вниз. Сорвавшись с уступа, она с глухим треском ударилась о каменную стену и распласталась по земле.

Она извивалась всем телом, словно гигантская зелёная гадюка, стремительно ползущая на звук бьющейся в силках добычи.

От этого зрелища у Суо Цзысе по спине пробежал мороз. Он мгновенно отпрянул назад на добрый десяток шагов, резко потянув за собой верёвку. Петух волочился следом по камням, истошно и возмущённо вопя.

Добравшись до места, где только что билась птица, лоза наткнулась на пустоту. Похоже, лимит длины её плети был исчерпан. Осознав, что желанная плоть ускользнула, растение пришло в ярость — его стебель принялся с бешеной силой молотить по земле, выбивая из сухой глины фонтаны пыли. Покладистым характером эта тварь явно не отличалась.

Наблюдая за тем, как под свирепыми ударами лозы разлетаются в щепки мелкие камни, парень восторженно цокнул языком. Боевой потенциал у растения был колоссальным. Не зря Сесе заставил его пересечь полстраны, карабкаться по кручам и рисковать шеей на хлипких мостах.

Загоревшись азартом, Суо Цзысе активировал способность Нитевого разреза. Острый невидимый клинок рассёк зелёную плоть, отделив кусок лозы. Парень рванулся вперёд, намереваясь подхватить трофей, но недооценил противника — со скоростью молнии обрубок скользнул обратно и мгновенно прирос к основному стеблю.

Разозлившись, он нанёс ещё несколько скользящих ударов, искромсав плеть на мелкие куски. План был прост: пока лоза будет регенерировать, он успеет утащить хоть один фрагмент. Однако регенерация монстра превзошла все ожидания — обрубки сцепились воедино за долю секунды, и восстановленный хлыст с сухим щелчком едва не расчленил наглого воришку.

Лишь чудо и молниеносная реакция уберегли парня от сокрушительного удара.

Получив двойной отпор, растение окончательно осатанело. Плеть металась из стороны в сторону, слепо пытаясь достать обидчика, но корни прочно удерживали его на привязи. Дотянуться до увёртливой цели оно не могло при всём желании.

«И откуда у сорняка столько мозгов? — удручённо подумал парень. — Люди не всегда до такого додумаются, а эта тварь сообразила!»

Впрочем, вполне вероятно, что за феноменальной регенерацией стоял простейший эволюционный механизм защиты.

Не желая сдаваться без боя, он предпринял ещё одну попытку, на этот раз решив срезать плеть у самого основания, прямо в воздухе.

Монстр не успел среагировать. Перерубленный у верхушки стебель безжизненно рухнул вниз, с глухим стуком распластавшись на острых камнях.

Радость триумфа длилась недолго — следующая секунда заставила Суо Цзысе буквально остоленеть от изумления.

Из свежего среза повалившегося стебля со свистом выстрелили тонкие, похожие на иглы отростки. Они мгновенно впились в каменистую почву, пуская новые жизнеспособные корни, в

то время как верхушка лозы, извиваясь червём, упрямо поползла в его сторону. Вновь послышался сухой, яростный свист рассекаемого воздуха.

Хлыст заходил ходуном, без разбора обрушивая на него удар за ударом.

Суо Цзысе бросился наутёк. Задержись он хоть на мгновение — превратился бы в кровавое месиво.

Оказавшись на безопасном расстоянии, он перевёл дух. Против этой живучей бестии стандартные приёмы не работали. Лезть на рожон и дальше кромсать лозу было чистым безумием.

Растение казалось идеальной машиной для убийства, словно созданной специально для того, чтобы свести на нет все его преимущества.

Оставалось радоваться, что тварь выпустила лишь одну плеть. Попытайся она атаковать его десятком отростков одновременно, любая неосторожная попытка их срезать породила бы целую армию голодных, жаждущих крови змей. И тогда пиши пропало.

<http://bllate.org/book/20595/2131954>